

ЛЮБА ШИШОВА

ГОЛОД НЕ ТЕТКА

социальное фэнтези

Люба Шишова

Голод не тетка

<https://litres.ru/74271779>

SelfPub; 2026

Аннотация

Волк спасает Джильду от жестокого хозяина и неожиданно для самого себя начинает меняться — не только внутренне, но и внешне. Вместе они создают в горах убежище для людей и животных, которым нужен второй шанс. Но прошлое возвращается, заставляя героев защищать новый дом и право жить по собственным законам.

Люба Шишова

Голод не тетка

* * *

Тяжело дыша, Волк пересек опушку и скрылся в лесу. Вечерние сумерки взбили свое воздушное покрывало и накрыли деревню и ближайшие окрестности, но ему было не до романтики: он преодолел более двадцати километров (об этом говорила боль в ногах), но охота принесла только двух полевок и раненую утку, а обратный путь домой свел на нет весь обед. Злой и голодный Волчара доковылял до своей норы под камнями, раскидал маскировочные листья и проскользнул внутрь.

«Что за зверье пошло трусливое, — подумал Волк, — сидят по норам, чтобы мне на глаза не попадаться. А может, со мной что-то не так, может, это я чутье потерял и уставать быстро стал? Так и до вегетарианства недалеко...»

У входа в нору валялись косуха и кожаные штаны: месяц назад в лесу очутился пьяный байкер, гонял на своем «Харлее», переломал кучу деревьев, орал «я свобо-ооден», — вот и пришлось доказать ему обратное и съесть. Куртка и штаны подошли Волку по размеру (хвост сворачивался рогаликом и не мешал), в них он делал небольшие вылазки в соседний поселок, пока не кончились наличные байкера. Продавщица в сельпо даже не обращала внимания на густую шерсть, по-

крывавшую лицо-морду, иные бомжи сильнее обрастают.

«Повыть, что ли...» — подумал Волк и уснул.

* * *

Чутье подсказывало, что где-то рядом, в радиусе двух километров, пасется косуля. Еще до восхода Волк вышел на охоту и вот теперь пытался напасть на след. «Главное, чтобы некрупная была, — размышлял он, петляя по лесу, — иначе не совладаю с ней один. То ли дело — вдвоем или стаей гонишь ее к обрыву, а там ей, глупой, деваться некуда, она и прыгает — думает, спаслась, если успевала подумать. Внизу, в ущелье, делили добычу поровну и расходились». Волк покинул стаю, несмотря на то, что был вожаком, когда его Волчица, уже беременная, переметнулась к более молодому и амбициозному самцу. Теперь Волк жил отшельником и охотился в одиночку.

Пальба и лай собак заставили лечь на пузо и отползти в овраг. Наискосок через поляну неслась знакомая лиса: было видно, что эта беготня дается ей очень тяжело, она остановилась перевести дух и что-то сказать, но только хватала пастью воздух и приседала, а через секунду продолжила свой адский марафон. Ничего не оставалось, как взять ситуацию в свои руки, то есть лапы.

* * *

Волк выскочил из укрытия и сцепил зубы на шее одной из легавых. Давая понять, что не шутит, он поднажал, собака заскулила и сходила по малой нужде. Кожаный ошейник, ин-

крустированный алмазами, чип в ухе и запах дорого шампуня сообщали о том, что псина дорогая. Вот это удача! Среди охотников выделялся крупный мужик, с ног до головы обвешанный охотничьим снаряжением и держащий наготове двустволку. Нависла гнетущая тишина, только воздух двигался волнами, в такт дыхания толпы. Щелкнул затвор. «Не стреляй! — рывкнул Волк и оскалился. — Как только ты выстрелишь, я сожму зубы мертвой хваткой — собака умрет вместе со мной». Главарь занервничал, точнее, не занервничал, а поплыл — лицо перекосило, а маленькие пороссячи глазки заволокло слезами; стало понятно, кто хозяин пса. Волк? Говорящий?

— Что мы пили, братва? — заорал он. — Еще условия выдвигает! Пристрелить его, и дело с концом!

— Никита, ты не видишь, он твою Джильду в заложниках держит, — вступил в переговоры сублильный мужик в спортивном костюме. — Волчара, какие условия выдвигаешь?

Разговаривать, когда пасть занята, непросто, но Волк продолжил:

— Единственное условие — прекратите охоту в этом лесу. Сейчас вы уходите, а пса я отпущу, когда чутье мне подскажет, что вы уже далеко.

— Какие гарантии? — крикнули из толпы.

— Вы можете вернуться и убить меня, если я не сдержу слово, — прорычал Волк. Никита вытер мясистой рукой глаза, сплюнул, разрядил ружье в воздух и пошел прочь, остальные

ные потянулись за ним, и только сублильный мужик развернулся и процедил:

— Смотри, Волчара, не сдержишь слово, мы тебя из-под земли достанем.

Волк зарычал и оскалился.

* * *

Это была сука африканского риджбэка, очень злая и агрессивная порода, задуманная для ловли койотов и другой пустынной живности. Здесь, надо полагать, она ловила зайцев и куропаток. После пережитого собака впала в забытье и тихо спала в его берлоге. Впопыхах он перетащил ее сюда, чтобы обдумать сложившуюся ситуацию. Наступил вечер, и Волк понял, что так ничего и не наохотил сегодня. Голод не тетка, он вылез из норы и через некоторое время вернулся с двумя селезнями в зубах. Последнее время охота приносила только разочарование, как-будто чего-то не хватало или, наоборот, появилось что-то лишнее, какое-то щемящее чувство, которое не давало разбудить в себе инстинкт хищника и забить жертву.

Однажды он наблюдал из засады, как молодой олень мирно пасется на поляне, щипая траву и обгладывая ветки, наблюдал, наблюдал, наблюдал и... дальше не пошел. Ничего не произошло. Он остался голодный, а олень живой. «До чего я докатился, — терзался Волчара, — вот и сегодня еле дождал этих несчастных уток, что со мной, Господи Иисусе?!» Тревожные мысли Волка прервал слабый голос:

— Пить!

«О, проснулась, но прислуживать— это не по моей части», — молча возмутился он.

— Пить! — взмолилась Голубая кровь. Пришлось сбегать к ручью и принести воды в котелке, подарок туристов, ох и быстро же они бегают!

Напившись, собака приподнялась и осмотрелась. Красивый абрис вытянутой морды, мощная шея, бархатистая короткая шерсть — все это говорило о том, что здесь ей не место. — Мадам, вам пора, — вежливо указал на дверь Волк, — я провожу вас до опушки.

— Я никуда не ухожу, — был ответ.

— Кес ке се? — рявкнул Волк почему-то по-французски. — Мне несдобровать, если ты не вернешься сегодня домой!

* * *

Яркими мазками Джильда обрисовала то, что происходило в урочище Никиты:

— Нас били, таскали за лапы, морили голодом, ставили в спарринг, чтобы раскачать агрессию и желание убивать. Никита — садист и мучитель, Карабас-Барабас и АльКаида — его младшие братья. Однажды одна из нас стащила кусок мяса, он пристрелил ее и посадил на кол, неделю эта жуткая инсталляция стояла в центре двора. — Джильда перевела дыхание. — А сегодня, выходя на охоту, я решила сбежать, раз и навсегда покинуть эту бойню. Кто-то прочитал мои мысли и послал тебя в качестве спасителя, спасибо, что решил пере-

грызть горло именем не.

— Не за что, — ответил Волк и почесал лапой за ухом, — я понял твой синопсис, и я в панике: завтра Никита и его головорезы по всему лесу расставят силки и капканы, а когда нас поймают... короче, я не хочу на кол. Нужно выбираться из этого леса, не теряя ни минуты. Если пойдем своим ходом, рано или поздно все равно нападут на след... Вот что я предлагаю: недалеко отсюда спрятан мотоцикл, он подарен мне благотворительной организацией, как им управлять, разберемся на месте. Что скажешь?

Джилда завиляла хвостом:

— Полностью поддерживаю твой план. Не кипишнем сейчас, потом поздно будет. Кстати, как тебя зовут?

— Ну, Волк меня зовут, Волчара.

— Уолтчара! Какое красивое имя. Я буду звать тебя Уолтер.

— Валяй.

Волк сразу нашел место схрона, они раскидали ветки и валежник и выкатили «Харлей» на поляну. Панель управления мотоцикла была напичкана различными измерительными приборами и кнопками, Волк долго изучал все это благолепие, а затем ткнул лапой наугад. Как же долго железный конь ждал этого момента: он подпрыгнул, взбрыкнул и закрутился юлой, поднимая вокруг себя столб листьев и земли.

— Уолтер, сделай что-нибудь! — крикнула Джилда.

Родео не входило в его планы, но и мордой в грязь не хо-

телось, поэтому Волчара сгруппировался, прыгнул и оседлал байк. Трясло, как в шейкере: кнопки, кнопки, кнопки, что-то нажал — замигал ближний и дальний свет, рывкнула выхлопная труба, пошел дым, все заволокло едким облаком, вслепую дернул какой-то рычаг, и... карнавал прекратился, только тихое урчание двигателя ласкало слух. «Делов-то», — проворчал Волк, потирая ушибленные места.

Джилда прыгнула сзади и они на тихом ходу выехали из леса на главную дорогу. Здесь Уолтер на секунду оглянулся и дал по газам. Они мчались по ночной дороге, ветер полоскал уши, дыбил шерсть, сладкий момент экстаза щекотал грудную клетку изнутри, а в пустом желудке звучали куплеты Эскамильо.

* * *

С рассветом они добрались до Златоуста, город встретил их частоколом труб промышленных заводов. Они свернули с дороги и нырнули в лес. География этой части уральских гор была очень разнообразной и изысканной: они то поднимались по лесной тропинке и оказывались на живописном плато, то спускались в ущелье, то опять взбирались на пологий склон, словно давным-давно древнее, штормящее море вдруг застыло и окаменело, подарив свои очертания современному ландшафту. Преодолев небольшой участок дремучего леса, они выехали к маленькому, заросшему тиной пруду, Опыт и чутье подсказывало Волку, что здесь есть то, что они ищут. В скале, которая обрамляла пруд, находилась пе-

щера, нора, называй как хочешь, глубокая и незаметная, то, что надо. Уолтер спрыгнул с мотоцикла и сделал несколько прыжков и обводящих ударов, давая телу и лапам размяться. «А он неплохо сложен, — подумала Джильда и первая заползла внутрь, сделать контрольное обнюхивание. — Давно никого не было, — определила она, — никакого запаха еды, секрета или испражнений. Чисто».

— Здесь и заякоримся, — резюмировал Волк. Они спрятали байк рядом, под валежником, в пещеру натаскали лапника, приличный слой, чтобы было мягче и теплее спать, пришло время подумать о еде.

* * *

Джильда скрылась в кустах и после непродолжительной возни появилась с ужином в зубах.

— Отпусти его! — скомандовал Уолтер. Джильда не поверила своим ушам, но отпустила кролика, который тут же дал стрекача, лихорадочно пытаясь понять, что же произошло — он только что чуть не погиб, затем чудом выжил, причем с подачи волка-пацифиста. «У серого явно не все дома, может, шишка на голову упала, а может, под токсичный дождь попал, экология сейчас ни к черту», — подытожил кролик и дал деру.

— Что происходит? — осторожно спросила Джильда.

— Сам не могу понять, мне что-то мешает охотиться, будто паралич охватывает и ком к горлу подступает, когда вижу беззащитного зайца или кабанчика. Морально ослаб я к это-

му делу, — облегчил душу Волчара.

— Я, наверное, догадываюсь, что с тобой происходит, — взволнованно сказала Джильда, — какое-то событие, в этом ты должен сам покопаться, дало толчок к тому, что с тобой произошел ментальный надлом, серьезное перерождение. Это как изменить родине или принять ислам. Короче, ты стал другим, ты стал испытывать ЖАЛОСТЬ.

— Неужели такое возможно? — выдернул Волк из сумятицы вопросов именно этот.

— В природе все возможно, — мудро заметила Джильда.

— Откуда ты все это знаешь? — удивился Волк.

— Я родилась в Арабских Эмиратах, в питомнике богато-гошейха, там нам преподавали науки, хорошие манеры, правильное поведение. Меня Никита уже подростком купил и привез сюда.

— Ясно одно: все, у кого бьется сердце, теперь не моя еда, — загрустил Волк и икнул, желудок тоже загрустил.

— Знаешь, я уже задумывалась об этом и готова разделить с тобой обет травоядения, — решила Джильда.

— Тогда ты ищешь здесь, в лесу, что-нибудь из разряда грибов и ягод, а я прошвырнусь по соседним деревням, — распорядился новоиспеченный травоед.

* * *

Сквозь щель в заборе Волк наблюдал за тем, что происходит во дворе. Он быстро почуял запах человеческого жилья и вышел к этой деревне, пластаясь и перебегая от куста к кусту,

добрался до крайнего дома и залег в засаде. Стояла ранняя осень, припекало солнышко, воздух был густой и терпкий, его можно было есть и нюхать. Из окна дома доносились голоса и звон посуды. Поле обзора захватывало баню, сад, сарай и часть дома. На крыльцо вышла курпулентная тетя, потянулась, явив миру свои прелести пятого размера, спустилась в сад и, пройдя влево, попала в слепую зону. Следом за ней вышел мужик, он закурил, зашел в сарай и вышел оттуда с пустыми ведрами и лопатой. Этот участок двора Волк видел хорошо, и мужика тоже, тот почесывался, кряхтел, еще раз закурил и, делать нечего, ушел в том же направлении. Через некоторое время он вернулся с двумя ведрами, доверху наполненными свежевыкопанной картошкой, высыпал ее в сарае и задержался. В обратный путь работяга направился в более приподнятом настроении, сопровождаемый шлейфом из запахов первача, сала и соленого огурца. Рейс «огород — сарай» осуществлялся точно по расписанию, рейс «сарай — огород» изрядно задерживался, а маршрут петлял. В очередной раз возвращаясь из сарая, непуть забыл ведра и получил оплеуху от жены, затем еще одну, затем еще несколько ударов, он как мог защищался и отмахивался, но все-таки упал, лежа схватил обидчицу за ногу, повалил ее на землю и поцеловал, та засмеялась, и они начали кататься по траве в любовном приступе.

Волк смекнул, что это его шанс, пролез под забором во двор и тенью скользнул в сарай. Здесь он схватил ведро, на-

брал в него картошки, моркови, помидоров и огурцов, на верстаке лежала краюха белого хлеба и буханка черного — все в ведро. Выглянув из сарая, увидел открытую калитку — шмыгнул в нее и был таков. Бежать и держать в зубах полное ведро было неудобно, волочить по земле тоже, остался вариант — тащить на шее, как ожерелье. Ведро больно било по передним лапам, но голод бил по желудку еще сильнее, поэтому, пробегая по лесу бодрым аллюром, он даже не заметил того кролика, которого намеренно отпустил. Кролик, напротив, сразу узнал своего утреннего спасителя, и то, что он теперь носится с ведром на шее, поставило окончательную точку в попытках понять что-либо. Скучное кроличье воображение было просто раздавлено этим зрелищем, но теперь кролик знал, что если встретит когда-нибудь белку-попрошителя или пьяного лося, то несколько не удивится. Вернувшись к норе, Волк вспомнил, что в кофре байка лежит котелок и зажигалка. Костер разгорелся быстро, и вот уже в котелке варились картошка, грибы, лук, морковь — вегетарианская похлебка. Делянку белых грибов Джильда обнаружила совсем неподалеку и таскала их сюда по несколько в пасти. Когда все было готово, они ели, доставая вкусные куски лапами, чавкая, умываясь едой, играючи огрызаясь друг на друга, а когда котелок опустел, долго облизывались и икали.

* * *

Они подъехали к забору тихо и незаметно, как барракуда во время охоты. Уолтер еще утром понял, что сегодня хозяева больше не будут работать: вдоволь навалявшись по саду, они переместились в дом и, в ознаменование пылкой любви друг к другу, затеяли пирушку. Из дома доносились смех, визг и громкое пение, солировала хозяйка, демонстрируя луженые связки и отсутствие музыкального слуха. Уолтер и Джильда пролезли под забором и пробрались в огород. Лопаты были оставлены прямо на грядках, и, недолго думая, аграрный десант принялся за работу. Поднимая глубокий слой земли, они переворачивали его, а затем переби-

рали лапами и складывали картошку в мешки, которые нашли за сараем. Так же поступили с морковкой, луком и свеклой. Большое янтарное яблоко луны висело низко над домами, было светло, как днем, что хорошо при сборе урожая, но плохо, если урожай чужой. «Воровать плохо, — рефлексировал Уолтер, орудуя лопатой, — но ты спроси этих людей, что они выберут — оказаться в зубах голодного волка или поделиться с ним частью урожая, — и сто процентов из ста, они выберут второе. А если взглянуть на нашу ситуацию с точки зрения торгово-рыночных отношений, то мы сейчас выполняем сельскохозяйственные работы, оплату за которые берем натуральным продуктом, я еще не учитываю двойной тариф за работу в ночное время... — Вдруг Волчара одернул себя: — Откуда я все это знаю? Отродясь мне такое в голову не приходило, будто большую энциклопедию в мозги запихнули». Из открытого окна вылетела бутылка и чуть не попала волку по темени.

— Джильда, пора сворачивать экспедицию, — прошептал он, — теперь наша задача — перетащить все это за забор.

С крыши сарая сняли кусок брезента, вылезли за забор и присоединили его к мотоциклу, получился импровизированный прицеп. Затем Уолтер вернулся и начал перекидывать награбленное через забор. Взяв последний мешок, он было собрался сделать рывок и вдруг увидел перед собой мужика, но не хозяина. Мужик, видимо, гость, находился в состоянии «приятного одушевления», воодушевлен он был

по самую макушку, его мотало. То, что он встретил в огороде, нос к носу, волка с мешком наперевес, конечно, было обманом зрения, галлюцинацией, результатом продолжительной попойки, поэтому крестьянин несколько раз провел натруженной ладонью по лицу, пытаясь смахнуть картинку, но волк продолжал стоять перед ним есть как есть. Ситуация стала тикать, как обратный отсчет: 9... 8... 7... 6... 5... Не долго думая, Волчара решил протиснуться по-над забором, но случайно задел пьян чужку мешком и рыкнул:-»Пардон». Мужик вдруг приосанился, вытянулся по стойке смирно, будто услышал гимн России, а затем с олимпийским спокойствием перемахнул двухметровый забор, там еще запас полметра был, и исчез в густой уральской ночи. Уолтер и Джильда погрузили мешки на брезент и выехали из деревни, теперь у них был запас еды на несколько месяцев.

* * *

Хранилище для овощей решили копать недалеко от пещеры, под группой из елочек и сосен, которая издавна напоминала некий архитектурный замысел, что-то вроде алькова, это и нужно было, чтобы защитить урожай от жары и ненастья. Рыли в четыре лапы, сначала все шло хорошо, пока не докопались до корней и работа застопорилась, их грызли зубами, скребли когтями, тянули из земли, затем пошли дальше вглубь. Так или иначе, темница для овощей была готова, загрузив ее взрез, люк запечатали куском брезента, который ранее служил прицепом, а еще раньше — защитой для крыши сарая. Оба были грязные, как черти, все в земле, земля

была в ушах, в глазах, скрипела на зубах, поэтому Уолтер и Джильда решили устроить себе банные процедуры. Разбежавшись, они рухнули в пруд прямо по центру, распугав всех лягушек и кузнечиков, затем долго барахтались и ныряли, вода не отпускала резвившихся собак, наконец, они вылезли и стали отряхиваться. Смешно смотреть со стороны, как собака начинает крутить головой, пытаясь смахнуть с себя остатки воды, тело тоже начинает двигаться, а затем, поддаваясь инерции, шерсть, если она есть, повторяет движение тела и вместе с капельками воды превращается в некую сферу, нимб вокруг собаки, чудно!

Присмотревшись, Джильда заметила что-то неладное.

— Уолтер, погоди отряхиваться, — взволнованно сказала она, — с тебя шерсть сыплется, как иголки с новогодней елки в марте.

И действительно, спина Уолтера понесла значительные потери по части шерстяного покрова, где-то появились обширные проплешины, где-то шерсть вылезла клочками.

— Да, я почувствовал, что спина зябнуть стала и чесаться, — угрюмо промолвил Волчара.

— Не переживай, — попыталась успокоить его Джильда, — возможно, это линька или авитаминоз, ты же перестал есть мясо, дружище.

— Линька! Авитаминоз! Я почти уверен, что кто-то ставит надо мной эксперимент, — заорал Волк. — Я чувствую, как копошатся в моих мозгах, извилины нащупывают, чело-

века на меня пытаются натянуть! Умные словечки всякие, французский язык, теперь еще лысею! Неспроста это все, ой, неспроста! Кто я теперь — трансуха межвидовая, полуволок, недочеловек? Антропоморфный урод — вот кто я! — Он от-вернулся и зарыдал.

Джилда подошла и положила лапу на его лысое плечо.

— Запомни, — тихо произнесла она. — Кто бы ты ни был, я всегда буду рядом. Пойдем, тебе нужно выспаться.

Волчара утер зареванную морду и побрел к пещере. Поужинав, как обычно, печеной картошкой, они улеглись на ночлег. Даже сны у Волчары теперь тоже были какие-то чужие и имели обучающий формат. Если раньше он видел лишь серый, вздрагивающий экран с набором точек, палочек и бесформенных разводов, то вчера он вместе с Дмитрием Менделеевым придумывал периодическую таблицу химических элементов, а сегодня, например, мчался на коне, в облики генерал-фельдмаршала Кутузова, с шашкой наголо и вопил: «За Родину!» Каждый раз новый сюжет из истории человечества, науки или искусства. Будто какой-то вне-земной метафизический палец указал на Волка, осветил его лучом эволюции и начал эксперимент очеловечивания. Подобно тому, как майнинг накапливает электричество, ку-цый мозг Волчары рос, как опара на дрожжах, тонны, ваго-ны с научно-познавательный приветом заплывали в его пу-стое сознание. Уолтер вздрогнул и проснулся, эта культур-ная экспансия порядком изматывала, не давала покоя ни во

сне, ни наяву. Открыв глаза, он долго находился в застывшем агрегатном состоянии, пялясь в темноту. Простой жизненный паттерн, проверенную формулу его, волчьего, существования теперь нужно было забыть, ему предлагались другие правила игры, и, кстати, он догадался, что отказ от мяса, точнее, нежелание убивать было одной из половинок той задницы, в которую он угодил. «Ну и влип же я!» — с горечью подумал Уолтер и вылез из логова. Здесь он задрал голову и протяжно, трубно, не переводя дыхание завыл, выл долго, до хрипоты, чтобы все вокруг поняли, как ему отчаянно плохо. Обессилев, Волчара замолчал, но эхо еще долго оседало невесомыми вибрациями где-то в ущелье. Этот животный обряд освободил его нутро от густой накипи бесполезных метаний, драмы и паники и дал возможность просто успокоиться. «Вроде полегчало, — прислушался к себе Уолтер, — а если посмотреть на ситуацию с другого балкона, то, может, не все так плохо? Если я не расходный материал для опытов, а исключительный везунчик? Если мне выпал не крест, а шанс стать человеком? У меня не только отбирают, но и дают. И дают задаром! Так-так, — потирал он лапы, которые все больше приобретали форму человеческой кисти, — посмотрим, прикинем. А сейчас спать. Аминь», — закончил свое коммюнике Волчара и вернулся в пещеру.

* * *

Трава приятно щекотала лысеющий живот Волчары во время утренней пробежки по лесу. После того как он пере-

стал мокрушничать, пропала необходимость бегать в поисках добычи, но лапы и вообще все тело требовало движения, нагрузки, так что теперь это выглядело как безобидный спорт. Он брал длинные дистанции, поэтому иногда отдыхал и любовался видом. Тот, кто придумал природу Уральских гор, был дока по части плетения макраме, так переплести ландшафты, формы, оттенки, запахи и звуки, вычурное и незаметное, изысканное и примитивное, уродство и красоту, свет и тень, молитву и оду мог только тот, кто обладал циклопическими масштабами фантазией. Образчик девственного, нетронутого пространства, шедевр, который не запихнуть в карман, не спрятать в тайник, не передать в Лувр или Третьяковку, лежал перед Волчарой теплым спящим ребенком. Встряхнувшись от этого буколистического гипноза, он вдруг понял, что стоит с отвисшей челюстью. Не меняя позы, одними глазами Уолтер посмотрел по сторонам, нет ли свидетелей его лирического заплыва, затем, на всякий случай, громко щелкнул зубами и припустил домой.

Что может быть приятней, чем лежать на пригорке после бега и завтрака, пребывая в состоянии неги и пустоты! Как только Волчара удобно устроился на мягком и пушистом облаке блаженства и прямоком устремился в райские куши, Джильда тут же вернула его на землю.

— Уолтер, — прервала она его томление, — у нас закончились спички, и зажигалка приказала долго жить, как теперь будем добывать огонь?

— Проблема сложная, но решаемая, — ответил Уолтер, — можно что-то ненужное продать или обменять на то, что нужно. — Я знаю, что это, — деловито заметила Джильда.

— Надеюсь, не байк? — с дрожью в голосе предположил Волчара.

Джильда подошла и улеглась рядом.

— Мы продадим мой ошейник, примерная цена которого — годовой бюджет большого мегаполиса, а нам с тобой хватит на всю оставшуюся жизнь.

— Я еще при первой встрече заметил, что твой аксессуар напичкан алмазами, как осетр на нересте икрой, но не подозревал, что это так ошеломительно дорого!

— Ты думаешь, Никита все это приобрел, живя на зарплату егеря? Как бы не так! Наркоторговля! — сердито рявкнула психа и хищно оскалилась. Волчара слегка отодвинулся и продолжал слушать. — Никита играет первую скрипку в оркестре драгдилеров, исполняющем мрачное адажио для наркоманов Предуралья. Тварь, бесчувственная алчная тварь, у него точки по всему городу, власть, менты — все куплены, все знают, где эти точки, и делают вид, что не знают. Когда денег стало некуда девать, упырь приобрел крупную партию якутских алмазов и повесил этот банк мне на шею, а так же всадил в ухо чип, который ты выгрыз в первый же день нашей встречи. Короче говоря, от ошейника надо избавляться, я знаю место, где его можно продать или заложить. На окраине города работает ломбард, но это так — ширма, вывес-

ка, на самом деле это таможня, через которую под жестким контролем отрава и вырученные деньги перемещаются туда и обратно. Внутри бронированное стекло и решетка от пола до потолка, этот редут снабжен окошком, весь взаимообмен осуществляется через него, за решеткой дежурит тихий плюгавый дедок, естественно, он вооружен. Металлическая дверь, ведущая к нему, наглухо закрыта, даже если министр обороны будет умолять открыть, он не шелохнется. Я часто приезжала с Никитой за выручкой, поэтому прекрасно ориентируюсь в обстановке.

— Так, — произнес Волчара, — нужна болгарка, я смо-
таюсь в деревню, позаимствую у кого-нибудь этот агрегат и
пустой мешок, потом верну. Давай отстегнем ошейник, буду
держат его при себе. Выезжаем затемно, действовать будем
по ситуации. — С лентой, вразвалочку он подошел к байку,
стоявшему у входа в нору, ткнул несколько раз лапой в коле-
со, оценив таким образом его упругость, проверил уровень
топлива, отрегулировал зеркала заднего вида.

* * *

Работая над этой повестью, мне хотелось поближе позна-
комиться со своими героями, а точнее, влезть в их шкуру,
разгадать код первобытного существования, ведь когда-то и
человек жил в норе. Нет, я не спала с голой задницей на сне-
гу, не умывалась языком, не ловила блох и не впивалась зу-
бами в нежную плоть молодого зайчонка, я просто оказалась
одна в ночном лесу. Испытание, скажу я вам, не для слаба-

ков. Было ветрено, лес гудел, как турбины самолета, все гукало, мукало, пищало. Кто-то продирался через кусты, кто-то карабкался по дереву, пролетела птица, задев меня крылом, дятел, не жалея клюва, работал по дереву, какая-то насекомая скотина заползла мне в ботинок. Все это я слышала и чувствовала, но не видела. Ночь на дворе, а у них тут форменный парад-алле. Я, как могла, перебарывала страх, казалось, вот-вот медведь положит лапу на плечо и обнюхает влажным носом мой затылок, на предмет съедобности. Моя фантазия, разогретая до взрывоопасного состояния, живописала оборотней и кикимор, выползающих из болота и притягивающих ко мне трясущиеся руки, я не выдержала и побежала. Нет, конечно, было бы интересней, если бы я вылезла отсюда лет через пять в набедренной повязке и с выводком волчат, вот это была бы сенсация, но мне хватило и пяти минут, чтобы понять: Маугли из меня не получилось. Спотыкаясь и падая, я добежала до опушки и оглянулась, в глубине чащи мелькнули яркие огоньки, напоминая созвездие в ночном небе, они плавно перемещались к дороге, присмотревшись, я поняла, что это байк, Уолтер и Джильда верхом, еле слышно смеются и переговариваются, они проехали на тихом ходу в нескольких метрах от меня. Затаив дыхание, я смотрела во все глаза, а когда проморгалась, видение исчезло. Не знаю, что это было — мираж, игра сознания, последствия испуга, — но это было прекрасно!

* * *

Шоссе приняло путешественников, как родных, ночь тоже не отказывала в гостеприимстве, небо было звездным, прошел небольшой дождь, к тому же Уолтеру же освоился с управлением, и они мчались уверенные 120 км/час. На поворотах, когда обвесьскреб о дорожное полотно, в темноте вспыхивал красивый фонтан искр, что придавало торжественный оттенок всей авантюре. Дорога приглашала к размышлению, и Волчара размышлял, жалея себя, причитая:

— Поначалу я все-таки надеялся, что это инфекция какая-то или осложнения после простуды, я же где-то месяц назад локнул студеной воды из ручья, потом температурил

неделю. Но теперь все понятно, рубикон пройден — человеком мне свой век коротать.

Скромный интеллектуальный багаж уже позволял Уолтеру иметь свою точку зрения, свой взгляд на происходящее вокруг и внутри него. Физиолония тоже не отставала и подталкивала вверх по эволюционной лестнице. Он облысел почти весь, осталось несколько кустиков на груди, под мышками и еще на морде толстый слой щетины. Хвост висел безжизненной колбаской, и то, что спереди, значительно проигрывало тому, что сзади. Передние и задние лапы приобрели оснастку человеческих рук и ног, а прямохождение вошло в привычку. Словом, вся природная экипировка утратила свое исконное предназначение. Смешно, но он уже не мог запросто, в открытую лизать под хвостом, приходилось уходить и прятаться за дерево, постоянно возникало желание прикрыться, поэтому байкерский костюм, привезенный с собой, очень пригодился, в нем Волчаре было хорошо, будто добрый сосед обнимает доброго соседа, к тому же перед поездкой это было очень кстати, не бегать же по городу голым пупсиком, размахивая алмазным ожерельем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.